

Скрипкин И.Н. ©

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, МОУ ВО «Институт права и экономики» г. Липецка

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА «РУСЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Аннотация

В статье предпринята попытка проанализировать значение термина «русь» в отечественных исторических источниках. Автор указывает на запутанность источниковой базы, в связи с чем в историографии появляются и множатся теории, прямо противоположно трактующие вопрос происхождения термина «русь» и образования Русского государства.

Ключевые слова: русь, летописи, норманизм, антинорманизм, варяги, этноним, соционим
Keywords: Russia, Chronicles, normanism, antinormanism, Varangians, the ethnonym socionom

Совсем недавно, а именно в 2012 году, мы отмечали 1150-летие российской государственности. Разумеется, за это время и в аспекте мифологем (историческая память народа), и в аспекте научных изысканий много говорилось о происхождении и значении термина «русь», давшего наименование нашему государству, нашему Отечеству. Между тем, парадокс заключается в том, что в настоящее время исторической наукой не выработано единой концепции происхождения этнонима «русь», поэтому разработка этой проблематики, несмотря на объемные научные труды по этому вопросу, является актуальной темой.

Важнейшими источниками, содержащими в себе сведения о происхождении и значении термина «русь», являются русские источники, прежде всего сохранившиеся летописные своды. Среди последних главным является «Повесть временных лет» (далее - ПВЛ или Начальная летопись). Сложность изучения этого памятника заключается в том, что он носит на себе отпечаток книжной мудрости многих переписчиков и редакторов. В «Повести...» нашли отражение исторические предания не только Киева и Новгорода, важнейших центров Древнерусского государства, но и других племенных центров, а в более поздние времена - княжеств.

В ПВЛ под термином «русь» понимаются разные этнические и социальные явления. Так, летописцы термином «русь» обозначают: 1) государство, образовавшееся после объединения восточнославянских племенных союзов (Русская Земля); 2) княжескую дружину; 3) войско, подчиненное киевскому князю, т. е. княжеская дружина и набранные в случае крупного похода воины, куда входили и варяги, согласно преданию о призвании князей, давшие название складывающемуся государству, и славяне. В летописи можно встретить и другие значения термина «русь».

Как народ, русь, изначально, согласно Начальной летописи, помещается летописцем среди народов полуночных (западных) стран. Соседство русов с готами, агнянами, урманями, свеями, варягами указывает на возможную локализацию этого этнонима и народности среди народов Балтийского поморья. Сведения летописца о соседстве руси с народами угро-финской (меря, мурома, весь и т. д.) и балтийской групп (литва, зимегола, корсь, летьгола, любь), местом расселения последних являлась Южная Прибалтика, позволяют уточнить территорию размещения русов и определить ее не в Прибалтике вообще (тем более не в северной ее части, как на этом настаивают историки-норманисты), а именно на южных берегах Балтийского моря [12]. В последующем летописании привязка руси к народам угро-финской и балтийской групп сохраняется [2; 13]. А.Г. Кузьмин связывает этот факт с контролем варяго-русами Волго-балтийского пути [7], заканчивающегося

южнобалтийским Поморьем. Считаем, что речь следует вести о взаимодействии народов, проживающих по Волго-балтийскому пути, и об их взаимовыгодных контактах, а не о контроле варягами славянских и угро-финских племен, тем не менее, связь между обозначенными племенами и варягами (русами) прослеживается. А это говорит о связи этнонима «русь» с Южной Балтикой.

На эту связь указывает и так называемая «августинская легенда», ставшая в XV-XVI вв. официальной доктриной Русского государства. Легенда выводила князя Рюрика и этноним «русь» из Прусской земли, т. е. с Южных берегов Балтики. Это положение подтверждают «Записки» посла Священной Римской империи при дворе Василия III Сигизмунда Герберштейна, который целенаправленно исследовал вопрос о происхождении этнонима русь и собрал все сведения, которые касались этого вопроса. Самой распространенной версией была «варяжская», связывающая начало русской государственности и названия «русь» с Южной Балтикой и не было ни одной, которая бы связывала происхождение слова «русь» со скандинавами [4, 57]. На связь варягов и термина «русь» с Южной Балтикой указывают и другие поздние источники. Так, например, в Степенной книге утверждалось, что «Рюрик иже прииде от варяг ... бе от племени прусове, по его же имени Прусская земля именуется» [13, 84]. На южный берег Балтики как на родину русов указывает также и «Универсал Богдана Хмельницкого» от 28 мая 1648 г. В нем упоминается о том, что русы – выходцы с южного побережья Балтийского моря [16].

Таким образом, можно говорить о том, что русь, как народ, в Южной Прибалтике присутствовал. В то же время определить этническое значение слова «русь» источники достоверно не позволяют. Хотя летописец в «Сказании о призвании варягов» настойчиво пытается связать его происхождение с Рюриком и варягами.

Следует согласиться с теориями тех историков, которые подчеркивали «вставной» характер варяжской легенды, так как она явно выбивается из логической связки сообщаемых летописцем сведений о полянах и южной Руси в целом: текст разрывается, что и может служить косвенным доказательством того, что сообщения о варягах изначально не было в тексте. Однако признание «вставного» характера известия о варягах и тенденциозности редактора, пытавшегося, по различным причинам, переосмыслить события прошлого в духе сложившейся к его времени исторической ситуации, не исключает достоверности самого сообщаемого им предания, которое может заключаться, скорее всего, в существовании сложившихся контактов племен северо-западной части будущего Русского государства и племен Балтийского поморья, ближайших их соседей. Действительно за мифическими описаниями, содержащимися в средневековых хрониках, практически всегда стоят реальные исторические события, переосмысленные в духе религиозно-мифологического сознания человека Средневековья. Поэтому следует согласиться с тем, что сказание о Рюрике несет в себе историческую информацию, интерпретация которой важна для понимания процесса происхождения государственности на Руси. Рюрик появился на страницах летописи неслучайно. Даже если признать тот факт, что истоки русской государственности связаны с Киевом, с полянами, с тем процессом происхождения государственных образований, отмеченным Нестором, соглашаясь с фактом позднейшей вставки варяжской легенды в ПВЛ, нельзя забывать, что варяги встретились на страницах летописи не единожды и сыграли в нашей истории не последнюю роль.

Предание о призвании гласит, что словене, меря и кривичи изгнали варягов за море. Однако вскоре у них начались внутренние разногласия и поэтому они вынуждены были призвать на княжение трех братьев-варягов: Рюрика, Синеуса и Трувора. Летописец отмечал, что посольство отправилось за море к варягам, к руси. Таким образом, Начальная летопись связывает «русь» с северным союзом племен, с Новгородом. Автор подчеркивал, что посольство отправилось не просто к варягам, а к варягам-руси, соседствующими с агнянами (англами), жителями южной части Ютландского полуострова. Данное уточнение летописца еще раз указывает на связь этнонима «русь» с Южной Прибалтикой. Противоречие в сообщении автора заключается в том, что среди народов, которые направляли посольство к

варягам, названа русь («реша русь, чюдь, словени и кривичи и вси»). Хотя автор подчеркивал, что от тех варяг, следовательно, от варяг-русов, прозвалась Русская земля, т.е. термин «русь» имеет варяжское происхождение. Но, согласно летописным данным, этноним связан и со славянской средой, раз русь оказалась в составе приглашающей стороны. В Иоакимовской летописи, во многих данных которой стоит сомневаться, этот факт подчеркивается, на что обратил внимание И.Н. Болтин в своем труде «Примечания на «Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка». «Следуя летописи Иоакимовской, - пишет Болтин - Гостомысл, дожив до глубокой старости и видя приближающуюся к себе кончину, созвал к себе всех вельмож своих от славян, **руси** (выделено мной. – И. С.), чуди, веси, мери, кривич и дрягович и советовал им призвать на княжение по себе внука своего, дочерня сына из **варяго-русов** (выделено мной. – И. С.)» [1,26].

В оценке имеющегося в «Повести...» противоречия, большинство исследователей априори исходят из того, что это либо ошибка переписчиков, либо поздняя вставка. При этом историки-норманисты говорят об искусственной вставке выражения «и реша русь...», историки-антинорманисты доказывают искусственность объединения варягов и русов в одно этническое образование. Имеющееся разночтение позволяет данные сведения толковать по-разному. Во-первых, вполне возможно говорить о группе русов, проживающих на территории будущей северо-западной Руси, и контактирующих с словенами, кривичами, чюдью. Данное утверждение вполне согласуется с данными о распространении этнонима «русь» на острове Эзель, близ Эстонии, и в устье Немана, географически близлежащих территориях к границам племенных союзов кривичей, чюди и новгородских словен, по преданию отправивших посольство к варягам. Во-вторых, можно предположить о переселении группы русов из-за моря, которых можно отнести к группе варягов-русов (археологические данные свидетельствуют о миграционном потоке, наблюдавшемся в середине IX, а именно из области Южнобалтийского поморья и северо-западной части Северного моря (фризы) в Приильменье). Тогда вполне закономерно говорить о длительных контактах между славянскими и угро-финскими племенами и варягами-русью и о заранее определенном посольстве к известным варягам. В-третьих, опираясь на полянославянскую концепцию происхождения этнонима «русь», используя византийские и арабские источники, которые говорят о какой-то руси задолго до призвания варягов, можно говорить о распространении слова «русь» в Поднепровье, а затем, возможно и в Приильменье, т. е. распространение термина шло с юга на север, а не наоборот. Следовательно, соединение летописцем варягов и русов в один народ есть позднейшая интерпретация, с целью повысить роль Новгорода как создателя Русского государства, княжеской династии и этнонима, давшего название всему государству. Таким образом, данный летописный отрывок не позволяет отыскать истоки этнонима «русь». Однако дает возможность отметить, что этноним «русь» употребляется в Повести с привязкой к разным народам, что дает право предположить возможность обозначения им разных, этнически не связанных между собой народов.

Предположение о миграции варяго-русов с южных берегов Балтики в Приильменье, о контактах русов и племенных союзов словен и кривичей, опирающееся на данные о призвании варягов, содержащиеся в ПВЛ, Новгородской летописи и других летописных сводах, не разрешает вопроса об их этносе. Помочь в определении этноса призванных варягов могут косвенные факты, имеющиеся в летописях. Пристальное их изучение было проделано М.В. Ломоносовым и С.А.Геденовым. М.В. Ломоносова собрал убедительные доказательства утверждения, что варяги не были норманнами, которые до нынешнего дня используются в науке:

- 1) ученый отметил, что в Скандинавии этноним «русь» неизвестен;
- 2) в скандинавских источниках нет информации о призвании Рюрика;
- 3) варяжские князья клялись славянскими, а не норманнскими богами;
- 4) историк ввел новый документ – окружное послание византийского патриарха Фотия, говорившее о пребывании русов на Черном море до призвания Рюрика и

перечеркивающее мнение Миллера об отсутствии в Причерноморье до варягов этнонима «русь»;

5) ученый указал на наличие на юге топонимов с корнем –рос- (например, приток Днепра Рось-река) [8, 28-33].

Продолжив изыскания Ломоносова, С.А. Геденов в монографии «Варяги и Русь», вышедшей в 1876 г, выделял целые блоки источниковых данных, разделяющих варяго-русов и норманнов и сближающих их со славянами: это религия, язык, право, обычаи и т. д. [3]. Таким образом, анализ летописного сказания о призвании Рюрика позволяет говорить о варягах как о прибалтийских славянах и о варяжской руси как о славянской или ославяненной.

Сказание о варягах читается в различных летописях по-разному. Так, например, в Новгородской первой летописи вообще отсутствует этноним «русь» при описании призвания варягов. В ПВЛ сообщается, что избравшись 3 братья с роды своими, пояша по себе всю русь, в Новгородской летописи данное сообщение трактуется по-иному: избравшись 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну [10]. Данное разночтение позволило некоторым исследователям предположить, что термин «русь» следует трактовать не как этноним, а как название дружины князя. Например, на разночтении определения тех, кого взял собой Рюрик, в ПВЛ и Новгородской летописи заостряют внимание историки-норманисты. Их выводы сводятся к тому, что слово «русь» восходит к древнескандинавскому корню *gor* «грести», т. е. изначально оно имело социальное значение – им обозначали гребцов, тех, кто плавает на гребных судах. На территории восточнославянских племен этим словом первоначально называли скандинавских воинов, затем военную знать, во главе с князем, и профессиональных воинов. Позже наименование «русь» развилось в название земель и народов, подвластных «русскому» князю, и, наконец, на самом последнем этапе эволюции термина «русь», им стали называть Древнерусское государство и восточных славян как доминирующего в нем этноса [5]. Данное утверждение позволяет снять разночтение между Начальной летописью и Новгородской первой летописью, а также позволяет объяснить употребление термина «русь» в ПВЛ и других летописях для названия княжеской дружины. С данной трактовкой исторических событий связана идея о том, что слово «русь» имеет не этническое, а социальное значение. Таким образом, в историографии сложилась точка зрения, трактующая термин «русь» не как этноним, а как соционим.

Теория норманизма, при всей ее логичности, не поясняет, почему летописец, зная этнические самоназвания скандинавских народов, нигде не указывает на их родственность с русами. Ведь, следуя норманнской теории, русь - это скандинавы, гребцы, прибывшие в Гардарики, как называли древнерусское государство норманнские народы, на речных судах. Какие нужно отыскать причины, которые побудили летописца не назвать норманнов своими предками?

В целом, схема развития смыслового значения термина «русь», предложенная еще родоначальниками норманизма историками XVIII в. Байером и Миллером и взятая на вооружение современными исследователями, сторонниками норманнской теории, позволяет объяснить причину различий в смысловой интерпретации термина «русь» в ПВЛ, других русских источниках, а также свидетельств иностранных авторов: в разный период им обозначали разные этнические и социальные явления. Однако она не объясняет факт ретрансляции финского *Ruotsi*, термина, которым финноязычные народы называют Швецию, и от которого, как убеждены норманисты, произошло название государства Русь, в наименование приильменскими племенами славян и финно-угров пришлых норманнов, которых они знали под собственными этническими названиями. На это указывал еще М.В. Ломоносов, критикуя теорию Г.Ф. Миллера. На доводы Миллера об имеющихся в истории примерах заимствования названия страны от другого народа, примером этому может служить переименование Британии в Англию, Галлии во Францию, Ломоносов справедливо

замечал, что «там побежденные от победителей имя себе получили. А здесь ни победители от побежденных, ни побежденные от победителей, но все от чухонцев» [8, 30].

Возникновение различных точек зрения на происхождение государственности у восточных славян, определение происхождения названия народа, давшего название государству восточных славян, связано, в том числе, и с тем, что термин «русь» связывался летописцем, в разных значениях (и это нашло отражение как в ПВЛ, так и в позднейших летописных сводах), как с Севером, с северным союзом племен, так и с Югом, с областью полян и провинцией Норик, откуда пришли поляне, называвшиеся русами. Анализ отечественных летописных сводов действительно указывает на этническую разделенность полян и других восточнославянских племен. В современной науке на этом факте заостряют внимание А.Г. Кузьмин [7] и В.В. Фомин [17; 18]. Образование протогосударственного образования у восточных славян связано с именем Олега, объединившего северный союз племен, с центром в Новгороде, с южным государственным образованием, с центром в Киеве. В рассказе летописца, повествующем о взятии Олегом Киева и провозглашением его матерью городам русским, сообщается, что были у Олега варяги и словени и прочи прозванвшие русью.

Опираясь на эти летописные данные, ряд советских историков, отстаивающих южное происхождение термина «русь», отметили, что русью прозвались и варяги, и словене только после взятия ими Киева. Следовательно, изначально руси на Севере не было. Эта теория укрепились в советской историографии в 40-50 гг. Одним из первых обратил внимание на факт соотношения этнонима «русь», прежде всего, с Киевской землей и прилегающими к ней землями, что почти полностью соответствует выделяемым границам союза племен, известному по летописным данным как поляне, М.Н. Тихомиров. В своей статье «Происхождение названия «Русь» и «Русская земля» автор убедительно доказал, что: 1) термин «русь» имеет значение этническое и территориальное и 2) из области полян он распространился на все Древнерусское государство, поскольку именно полянский город стал столицей этого государства [15, 62-64]. М.Н. Тихомиров не был новатором этой гипотезы: на факт соотношения термина «русь», прежде всего, с Киевской землей указывали еще С.А. Геденов [3] и Д.А. Иловайский [6]. В советское время были найдены более убедительные доказательства, подтверждающие эту гипотезу. В дальнейшем эту концепцию будет разрабатывать Б.А. Рыбаков [11], выводя этноним «русь-рось» от названия реки Рось, которая впадала в Днепр недалеко от Киева.

Существование расхождений трактовки происхождения термина «русь» - северное или южное - между историками обусловлено летописными источниками. Сама противоречивость источников позволяет говорить о том, что в Древней Руси бытовали разные версии происхождения названия государства и народа. Следовательно, историческая память разноплеменного русского общества сохранила какие-то исторические предания о начале Руси, нашедшие свое отражение в ПВЛ. Поэтому, скорее всего, противоречивость источника связана не только с разными ее редакциями, но и с тем, что в ней зафиксированы разные исторические предания. Прежде всего, предания новгородцев, связанные со «своей» русью, анализ летописей позволяет говорить, что такой «своей» русью являлась русь прибалтийская, и предания киевлян, выведившие русь из Подунавья (Норика), реже из Причерноморья. **Таким образом, этническое значение термина «русь» в ПВЛ, следовательно и поздних русских летописей, вобравших информацию из этого источника, неоднозначно и имеет, скорее всего, разное происхождение, связанное как с Севером (Новгородом), так и с Югом (Киевом).**

Скорее всего, это разные племена, объединенные только этническим термином. В связи с этим выводом правомерной становится гипотеза В.А. Брима о возможном одновременном существовании термина «русь» на севере и термина «рось» (огласовка – «русь») на юге Восточной Европы. Являлись ли носители этнонима «русь-рось» славянскими, норманнскими или какими-то другими племенами? Отвечая на этот вопрос, следует поддержать гипотезу А.Г. Кузьмина, которая сейчас активно разрабатывается В.В.

Фоминым [17;18], трактующую существование нескольких видов русов, изначально неславянских, но в процессе взаимодействия со славянами – ославяненных народов. «Южные» русы стали прослой славянского общества Киева, варяго-русы – Новгорода. Только косвенные указания говорят о том, что русы были господствующим слоем в славянском обществе (поэтому, с нашей точки зрения, нужно весьма осторожно оценивать их роль как создателей государственности на Руси). Скорее не господствующим, а другим. В условиях племенной демократии роль княжеской дружины и княжеской власти была чрезвычайно низка, но она обладала объединяющей силой, что и привело к тому, что инородный по отношению к племенным союзам славян термин «русь» стал объединяющим для всего народа.

Трудно оценить достоверность противоречия летописных источников о руси приглашенной и руси приглашающей, фиксирующегося в «Сказании о призвании варягов», так как в одних источниках (например, во Владимирском списке) такое противоречие есть, а в других (например, в Радзивилловском списке) – нет. Общая основа идеи о распространенности этнонима «русь» на юге и севере будущего Киевского государства, в том числе и филологический анализ распространения этнонима «русь» среди финских народов, проделанный К.А. Максимовичем [9], позволяет говорить о распространении термина «русь» среди восточных славян задолго до призвания варягов. Это означает, что какая-то русь, или часть народа, носящего это этническое название, уже обосновалась на территории прильменского союза племен, или на близ лежащей территории, входящей в состав этого протогосударственного образования, а какая-то, входящая в область распространения названия варяги, проживала где-то за морем. Поэтому, скорее всего, следует летописные известия о руси приглашенной и приглашающей считать не опиской, а констатацией реального существования на территории Северного союза племен народа, носящего название «русь».

Термин «русь» изначально имел этническое значение, именно так он употребляется в водной, недатированной, части ПВЛ, возможно сохранившей изначальный, нередакционный, вариант. Затем его значение усложнилось, а окраска становилась все более социальной: из названия отдельного племени в название княжеской дружины. То есть в «Повести...» (и других русских летописях) наблюдался некий переход этнонима «русь» в соционим. Причиной этого, скорее всего, являлся факт складывания единой древнерусской народности, когда русь уже этнически не выделялась среди славян.

Обобщая вышесказанное, следует подчеркнуть, что проблема значения термина «русь» остается до сих пор не решенной, а отечественные письменные источники не позволяют с большой долей достоверности определить его значение и происхождение. Поэтому только в рамках комплексного анализа, с привлечением иностранных письменных источников, археологических, лингвистических и других материалов, опираясь на плодотворные, с нашей точки зрения, идеи А.Г. Кузьмина о широком распространении этнонима «русь», историческая наука сможет создать единую, убедительную картину происхождения и значения термина «русь».

Литература

1. Болтин И. Н. Примечания на «Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» / И. Н. Болтин // Сборник материалов по истории исторической науки СССР. М., 1990.
2. Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. М., 1962.
3. Геденов С. А. Варяги и Русь. Историческое исследование. СПб., 1876. Ч. 2.
4. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников: учебное пособие для студентов вузов / Л. Б. Бибииков, Г.В.Глазурина, Т. Н. Джаксон и др. Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999.
6. Иловайский Д. И. О мнимом призвании варягов // Русский Вестник. 1871.
7. Кузьмин А. Г. Начала Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003.
8. Ломоносов, М. В. Полн. Собр. Соч. Т. 6. М. – Л., 1952.

9. Максимович, К. А. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // КΑΝΙΣΚΙΟΝ. Сборник в честь 60-летия профессора И. Е. Чичурова. М., Изд-во ПСТГУ, 2006.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 1962.
11. Рыбаков Б. А. Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. М., 1958.
12. Скрипкин И.Н. Русь на берегах Балтийского моря // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7. С. 85-88.
13. Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. XXI. - СПб., 1908.
14. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. М., 1962.
15. Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. №6-7. М. – Л. 1947.
16. Универсал Богдана Хмельницкого от 28 мая 1648 г. // www.vostlit.info
17. Фомин В. В. Начальная история Руси. Учебное пособие. М., 2008.
18. Фомин В. В. Русские летописи и варяжская легенда. Липецк, 1999.